

Каменских М.С. Репрессивная политика СССР в отношении отдельных народов в годы Великой Отечественной войны (на примере болгар Урала) // Технологос. – 2021. – № 2. – С. 79–90. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.2.07

Kamenskikh M.S. Repressive Policy of the Ussr Towards Certain Peoples in the Years of the Great Patriotic War (in Particular, the Bulgarians in the Urals). *Technologos*, 2021, no. 2, pp. 79-90. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.2.07

DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.2.07

УДК 94(470.5)(=1.497.2)

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СССР В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ НАРОДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ БОЛГАР УРАЛА)

М.С. Каменских

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 20 апреля 2021 г.
Принята: 22 мая 2021 г.
Опубликована: 06 августа 2021 г.

Ключевые слова:

болгары, миграция, депортация, трудармии, Великая Отечественная война, Урал, этнодисперсные группы.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению истории российских болгар на Урале в 1940-е годы на материалах архивов Челябинской и Свердловской областей, а также Пермского края. В период Великой Отечественной войны граждане СССР болгарского происхождения были, как и многие другие народы, подвергнуты репрессиям, выражающимся в мобилизации в трудармию и поголовной депортации болгар Крыма. В результате этих мероприятий значительное количество болгар оказалось на территории современного Урала, в районах лесодобычи севера Молотовской и Свердловской областей, а трудомобилизованные использовались на работах в тресте «Челябметаллургстрой».

Болгары были депортированы вместе с другими народами Крыма. На новом месте жительства они не создали мест компактного проживания, но сумели сохранить традиционную культуру. Некоторые семьи смогли даже закрепиться на Урале, сделать карьеру и внести вклад в развитие региона.

Автор убежден, что хранящаяся в архивах судебно-следственная документация, как и полевые исследования, могут выступить важным и пока недооцененным источником изучения истории депортации российских болгар. Актуальность источников возросла после 2020 года, когда истек 75-летний срок хранения документов 1945 года. Автобиографии, биографические справки, протоколы допросов позволяют в деталях реконструировать обстоятельства депортации и трудомобилизации, увидеть события с позиции самих репрессированных.

Изучение истории репрессий на примере болгар показало, насколько сложной и противоречивой была политика Советского государства в отношении отдельных народов в период Великой Отечественной войны.

© ПНИПУ

© **Каменских Михаил Сергеевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4041-086X>, e-mail: pomidorr@mail.ru.

© **Mikhail S. Kamenskikh** – Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4041-086X>, e-mail: pomidorr@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

REPRESSIVE POLICY OF THE USSR TOWARDS CERTAIN PEOPLES IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (IN PARTICULAR, THE BULGARIANS IN THE URALS)

Mikhail S. Kamenskikh

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

Perm Federal Research Center of Ural Division of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 20 April 2021

Accepted: 22 May 2021

Published: 06 August 2021

Keywords:

the Bulgarians, migration, deportation, the Great Patriotic War, the Urals, ethno-disperse groups.

ABSTRACT

The article is devoted to studying Russian Bulgarians living in the Urals in the 1940s with the help of archive materials of the Chelyabinsk and Sverdlovsk regions as well as Perm Krai. During the Great Patriotic War the USSR citizens of Bulgarian origin, like many other peoples, were subject to repressions which meant enrollment in labour army and deporting every single Bulgarian of the Crimea. As a result of the measures, a significant number of Bulgarians were moved to the territory of the modern Urals. The deported Bulgarians settled in areas of logging (forest exploitation) in the north of Molotov and Sverdlovsk regions, and members of the labour army were employed in the trust organization «Chelyabmetallurgstroï».

The Bulgarians were deported along with other peoples of the Crimea. They did not form compact settlement in the new areas but managed to preserve their traditional culture. Some families were even able to organize permanent lodging in the Urals, pursue a career and contribute to the development of the region.

The author is convinced that the judicial legal documents kept in archives as well as field trip research results may serve as a significant but not sufficiently appreciated source of investigating the history of deporting Russian Bulgarians. The topicality of the sources grew after the year 2020 when the 75-years' period of storing documents of the year 1945 expired. Autobiographies, biographic information, interrogation protocols enable to obtain a detailed reconstruction of deportation circumstances and the process of enrollment into labour army, and to see these events through the prism of the repressed people themselves.

Researching the history of repression, in particular – repression of the Bulgarians – has revealed how complex and controversial the policy of the Soviet state towards certain peoples during the Great Patriotic War was.

© PNRPU

Этнические мотивированные репрессии, включающие в себя как административную высылку целых народов, так и ограничения, касающиеся отдельных лиц в силу их национальной принадлежности, являются одной из наиболее противоречивых сторон советской внутренней политики 1930-1940-х годов. Особенно эта проблематика актуализировалась в период Великой Отечественной войны, когда репрессиям были подвергнуты народы, освобожденные от фашистской оккупации [1]. Репрессии по этническому признаку, их ход, реализация и последствия представляются актуальными не только для изучения внутренней политики СССР, но и являются важным этапом в истории целого ряда российских народов и регионов. Анализ этой политики в отношении отдельных народов позволяет глубже осмыслить особенности репрессий в СССР в 1940-е годы. Говоря о географии репрессий, нельзя не отметить особое место Уральского региона, этнический состав которого значительно усложнился именно в период Великой Отечественной войны. Это происходило как за счет эвакуации из западных районов, так и за счет административной высылки [2, с. 73–75].

Репрессии 1940-х годов играют большую роль в исторической памяти российских болгар, являющихся одним из наиболее многочисленных народов Российской Федерации. По данным переписей населения 2010 и 2015 годов, численность болгар в нашей стране может быть оценена примерно в 25–26 тыс. человек [3, с. 105; 4]. Исторически компактные поселения болгар фиксируются в Российской империи еще с XVIII века, преимущественно в Бессарабской области Екатеринославской губернии (территория современной Украины). К концу XIX века в стране проживало уже около 100 тыс. болгар [5]. В отдельную группу могут быть выделены болгары, которые проживали на территории современного Краснодарского края и

Республики Крым [6]. В 1940-е годы представители этого народа были подвергнуты этнической депортации, а болгары военнослужащие оказались в числе трудомобилизованных. На новых местах жительства они создавали локальные, дисперсно расселенные сообщества. Репрессии в отношении болгар, оказавшихся в Уральском регионе, привели к тому, что он стал одним из центров болгарского этнического сообщества современной России.

В рамках данной статьи проанализируем особенности репрессивной политики СССР в отношении советских болгар в 1940-е годы, выделим и охарактеризуем их роль в масштабах Урала. В поле исследования включены территории Пермского края, Свердловской и Челябинской областей.

В советской историографии тематика этнически мотивированных репрессий не разрабатывалась, изучение этой сложной темы началось только в современной России. Впервые репрессивную политику и ее этносоциальные последствия для регионов раскрыл в своих работах Н.Ф. Бугай [1, 7, 8]. Исследователем С.В. Калашниковой проведены полевые исследования среди потомков болгар Урала, затронута проблематика формирования региональных сообществ [6]. Становление этнических групп болгар юга России, в особенности Темрюковского района Ростовской области, активно изучает О.В. Матвеев [9]. Отдельные стороны миграции болгар на Урале представлены в цикле публикаций отдела истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН и Болгарской академии наук [10–12]. При в целом досконально изученной истории болгар, как в целом в России, так и в отдельных регионах, их судьбы и миграции в период Великой Отечественной войны остаются одним из наименее изученных сюжетов, ограничивающихся общими работами по истории депортации в СССР. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел.

Автором привлечена большая группа источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В первую очередь использованы документы, касающиеся вопросов депортации болгар Крыма, репрессий против болгар, а также организации труда болгарских рабочих в СССР. Актуальность данных источников не вызывает сомнений, поскольку в 2020 году истек 75-летний срок хранения документов 1945 года, что позволяет ввести в научный оборот большой массив информации, ранее недоступной для ученых. Работа по сбору письменных неопубликованных источников велась в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ), Государственном архиве административных органов Свердловской области, Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО). Важную роль в характеристике этнически мотивированных репрессий сыграла архивно-следственная документация. Протоколы, анкеты, автобиографии и воспоминания, письма родственников и документация по реабилитации позволяют достаточно полно реконструировать обстоятельства миграции болгар, характер и специфику репрессий против них. Помимо собственно личных дел репрессированных при написании работы использовались электронные базы. В отдельную группу исследования выделены устные источники, основу которых составили полевые материалы авторского коллектива (ПМАК). К написанию работы в качестве источника также привлекались электронные ресурсы. Так, в крупнейшей на сегодняшний день «Базе данных жертв политического террора» просветительского общества «Мемориал», включающей данные на свыше 3 млн человек, имеются сведения о 2219 болгарях, многие из которых на момент репрессий проживали на территории Урала. Всего в рамках исследования выявлено 60 персональных биографий болгар, репрессированных в 1940-е годы в Свердловской, Челябинской областях и Пермском крае [13].

В отношении болгар СССР в 1940-е годы можно выделить несколько направлений репрессий: трудовомобилизация (в том числе военнослужащих болгар), коллективизация в Бессарабии, депортация болгар Крыма.

Говоря о трудовомобилизованных, необходимо отметить, что одной из крупнейших строек Урала периода Великой Отечественной войны, где использовался труд призванных в трудовые армии, стал «Челябметаллургстрой» – комплекс из металлургического и коксохимического заводов с прилегающими лесозаготовками и кирпичным заводом, построенным в районе Бакальского железорудного месторождения (близ современного г. Златоуста Челябинской области) [14]. Основную часть из 30 тысяч человек, занятых на «Челябметаллургстрое», составляли немцы и финны. Но среди трудармейцев были и представители других национальностей. В частности, в фондах ОГАЧО хранятся дела 40 болгар, мобилизованных в разное время на работу в «Челябметаллургстрой» [15].

Мобилизация болгар в трудармию началась сразу после того, как Болгария в 1941 году официально поддержала Германию в войне против СССР. В Советской армии начались репрессии против военнослужащих болгар и членов их семей. Их начали демобилизовывать и направлять в трудармии. Сюда попадали и те, кто сбегал с оккупированных территорий или попадал в плен. По подсчетам Н.Ф. Бугая, в целом по стране среди спецпоселенцев было болгар бывших военнослужащих 582 человека, в том числе рядовых 465, сержантов 79, офицеров 9 [1, с. 125]. Известны случаи, когда, для того чтобы воевать, болгары записывались русскими, украинцами или гагаузами [6, с. 72].

О том, как и кто попадал в трудармию, красноречиво повествуют данные автобиографии Дмитрия Дмитриевича Узунова, 1908 г.р., уроженца Бессарабии. Оказавшись в 1943 году в колонне трудовомобилизованных 9-го сплавного отделения ВостокУралЛАГА НКВД, он составил подробнейшую автобиографию, передавая все особенности жизни бессарабских болгар в СССР в 1920–1940-е годы. Написанная Д. Узуновым биография является важным источником по истории российских болгар данного периода. Семья Дмитрия Узунова была родом из с. Татар-Кипчак Аккермановского уезда Бессарабской губернии. В годы Первой мировой войны они переехали в Ставропольскую губернию, станицу Екатериноградскую, позже автоматически став гражданами СССР. В 1929 году после смерти отца Дмитрий с матерью и братом вступил в колхоз. В 1931 году умер его брат, и он с матерью переехал к родственникам жены в Орджоникидзевский край. На новом месте жительства из-за плохого материального положения и питания умерли сначала мать, а потом жена Дмитрия. Родители жены оставили дочь у себя на воспитание, а Дмитрий женился второй раз. В 1931–1937 годах он учился на военных курсах, участвовал в раскулачивании и дослужился до заместителя председателя сельсовета, в 1938–1939 годах в возрасте 31 года он стал председателем сельсовета, но в 1939 году после отчета перед избирателями был снят с должности [16, с. 7–12]. «Отчет был принят, но работа по ликвидации неграмотности была признана неудовлетворительной, до 1941 года работал бригадиром садоводческой бригады, потом в пожарной дружине, потом бригадиром молочно-товарной фермы, откуда призван в Красную армию», – писал Дмитрий Узунов [16, с. 12]. С первых дней войны он был призван на фронт в район Киева. Его полк занимался рытьем окопов у местечка Сапсар. Однажды ночью была объявлена тревога, сообщили, что весь полк находится в окружении, однако «один человек в военной форме предложил выбираться всеми путями из окружения» [16, с. 12]. Дмитрий и еще примерно 40 человек пошли с ним, но попали под бомбежку, а выжившие присоединились к другому, более крупному отряду, который планировал прорыв наступления. Некоторым из однополчан Дмитрия выдали винтовки, но

ему не хватило. Попытка прорвать окружение была предпринята 17 сентября 1941 года, но она не удалась, и Дмитрий с еще примерно 350 выжившими попал в лагерь для военнопленных под открытым небом. «Этот лагерь занимал площадь примерно два гектара земли, а людей здесь было набито вплотную и здесь только можно было стоять, а сидеть невозможно было. Подходить крестьянам к нам не разрешали, они же хотели помочь нам в питании и на дороге высыпали кукурузу и овощи, мы же поднимали эти продукты с земли и кушали» [16, с. 13]. Во время очередного этапа на дорогу вышли женщины с продуктами, толпа ринулась к ним, началась суматоха. Узунов воспользовался этим моментом и сбежал. Оказавшись в ближайшем населенном пункте, он попросил двух местных жителей его спасти. Они накормили его, дали помыться и переодеться, но после попросили уйти. В результате он решил передвигаться в сторону родной станицы по ночам, жил в деревнях или в лесу. Документы красноармейца Узунов выбросил. В с. Ряски его обнаружили немцы, и он рассказал им свою историю, скрыв, что был военнослужащим. Немцы посмеялись, но все равно арестовали его и посадили в тюрьму, где он провел 4 дня. За это время туда посадили еще 12 человек. Здесь Узунов получил новые документы. В тюрьме их выводили на уборку хлеба, взяв расписку, чтобы не покидали пределы села. Потом из-за нехватки места их расселили по квартирам. Дмитрия поселили к молодой девушке Марфе Крещеновой, у которой он прожил с 21 октября 1941 года по 15 февраля 1942 года. В 1942 году немецкие власти провели проверку населения с целью выявления партизан и бывших военнослужащих. В результате Дмитрия и еще примерно 40 человек арестовали и отправили в лагерь военнопленных г. Кременчуга. Весь февраль он занимался вырубкой бревен из застывшего Днепра. Вскоре заболел и попал в госпиталь. После выздоровления смог устроиться плотником, чтобы не работать на улице. Однажды в лагере объявили, что собирают всех украинцев. Он сказал, что является украинцем, и был переведен в другой лагерь. Там его допросили и отпустили домой на уборку урожая, обязав встать на учет в комендатуре. С мая по сентябрь 1942 года он снова жил у Марфы Крещеновой в Рясках. Когда началась вербовка на работы в Германию, он снова решил бежать в родную станицу. На этот раз ему удалось пройти незамеченным. Когда он добрался, местный комендант допросил его, посмотрел выданные комендатурой с. Ряски документы и отпустил домой. С октября 1942 года по январь 1943 года Дмитрий Узунов работал возчиком леса. «Однажды подрался с казаками, отца которых раскулачил в 1931 году, но за него вступился начальник полиции», – вспоминает он свою жизнь в родной деревне» [16, с. 15]. В январе 1943 года немцы стали отступать. Дмитрий послушался приказа эвакуироваться и спрятался у себя дома в заранее подготовленном убежище. После восстановления советской власти он с учетом своего опыта был назначен председателем сельсовета, работал до марта 1943 года, восстанавливал колхоз. В июле 1943 года у него спросили о национальности, он ответил, что является болгаринном, после чего ему было сообщено, что он в числе других красноармейцев разных национальностей должен ехать в длительную командировку. В сентябре 1943 года Узунова отправили в Краснодар, а потом в город Туринск Свердловской области, а оттуда – в трудовую армию «Востокураллага». «Здесь только я узнал, что прибыл не в командировку, а в трудовую армию», – отметил он в автобиографии [16, с. 12]. Потом он снова был отправлен в действующую армию, служил разведчиком на линии фронта, получил контузию и несколько наград за подвиги. В конце 1944 года Дмитрий Узунов снова попал в трудовую армию, на тот момент ему было 36 лет. В трудовой армии он работал до лета 1945 года, стал стахановцем за «высокие показатели». В ноябре 1945 года Узунов был арестован за антисоветскую агитацию и получил 8 лет лишения свободы в ИТЛ с поражением в правах [16, с. 79–79 об.]. О его дальнейшей судьбе ничего неизвестно. Личные до-

кументы и данные Дмитрия Узунова хранятся в фондах ГААОСО, родственники за ними не обращались. Автобиография Узунова является ярким свидетельством того, в какой сложной ситуации оказалось болгарское население в период Великой Отечественной войны.

Трудомобилизация коснулась болгар, проживавших в начале войны на Урале. Это были потомки раскулаченных, большая часть жизни которых прошла в спецпоселении. Помимо Дмитрия Узунова, известно о трудармейцах болгар в 1-м стройотряде ЧМС НКВД СССР г. Челябинска [17]. На станции Камышлов Свердловской области в сентябре 1945 года были арестованы работавшие там на обслуживании железнодорожной станции столяр Николай Балабан (1923 г.р.), печник Федор Балабан (1905 г.р.) и кузнец Филипп Балабан (1910 г.р.), рабочие Николай Келеш (1902 г.р.) и Кирилл Терзиев (1922 г.р.), плотник Георгий Милов (1924 г.р.). В январе 1946 года все они получили по 6–8 лет ИТЛ [13].

Еще один источник пополнения трудармий появился в результате присоединения Бессарабии. После того как в июле 1940 года части Красной армии заняли Бессарабию, занятую королевскими румынскими войсками в 1918 году, на этой территории, где исторически проживало наибольшее количество болгар, также начались репрессии [8, с. 189–190]. Большая часть высылаемых направлялась в Казахскую ССР, но несколько десятков были направлены в Омскую и Челябинскую области. В источниках сохранились сведения о нескольких десятках таких болгар. Уже 6 июля 1940 года, практически сразу после присоединения Бессарабии к СССР, уроженец с. Кулевча Аккермановского района крестьянин Федор Галюров (1897 г.р.) как бывший полицейский румынской полиции был арестован, а в декабре 1941 года в порядке эвакуации арестованных из прифронтовой полосы был этапирован в тюрьму № 1 НКВД по Молотовской области. К моменту вхождения Бессарабии в состав СССР занимался сельским хозяйством [18, с. 1–2]. Он умер в тюрьме в 1943 году. Что характерно, в материалах дела нет ни одного протокола или показания, которое бы указывало на его причастность к «активной борьбе против революционного движения трудящихся Бессарабии», предусмотренных ст.58-13 УК РСФСР, в которой Галюрова обвинили [18, с. 10].

Еще одним направлением политики СССР в отношении болгар в период Великой отечественной войны стала депортация народов Крыма. 12 мая 1944 года завершилась операция Красной армии по освобождению Крымского полуострова. Сразу после этого выжившее в фашистской оккупации население, включая болгар, было подвергнуто депортации [7, с. 74]. Первыми уже в мае были депортированы крымские татары, после этого началась подготовка к выселению болгар, греков и армян, которых власти обвинили в сотрудничестве с немецкими оккупантами [6, с. 76]. Согласно принятому 2 июня 1944 года постановлению Государственного комитета обороны № ГОКО-5984 сс «О выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян» [19] несколько тысяч болгар с формулировкой «проживал на оккупированной территории» оказались на поселении в Сибири и на Урале. Документ предписывал «выселить с территории Крымской АССР 37000 человек немецких пособников из числа болгар, греков и армян» [19, с. 161–162]. Их предполагалось «направить для расселения в сельском хозяйстве, в подсобных хозяйствах и на промышленных предприятиях» ряда областей и республик, в том числе Свердловской, Молотовской и Кемеровской областей численностью до 15 тыс. человек. НКВД провел тщательную подготовку операции с подводом войск, утверждением маршрутов и количества эшелонов. Для организации депортации было задействовано 23 000 бойцов и офицерского состава и до 9000 человек оперативного состава НКВД-НКГБ [19, с. 76].

О том, как проходила депортация болгар, повествуют устные источники. В 1989 году были опубликованы воспоминания бойца НКВД Алексея Веснина, участвовавшего в выселе-

нии народов Крыма. Сам он называет эти операции «позорными». В 1945 году 19-летний А. Веснин был направлен в деревню Марфовку Крымской АССР. Когда они ехали к месту, было объявлено, что они будут сражаться с остатками татарских банд, которые оставили после себя немцы. Только прибыв к месту назначения, А. Веснин получил приказ выселять людей. Местным жителям нужно было говорить, что они приехали помогать косить сено, чтоб не сеять паники. Селяне были рады видеть помощников, предлагали выпивку и угощения. А уже 25 июня 1944 года А. Веснин и его сослуживцы стали заходить в дома и объявлять: «Именем Советской власти. За измену Родине вы выселяетесь в другие районы СССР». Организацию депортации он описывает так: «Татар, как оказывается, мы выселяли гуманно..., а тут – 20 минут на сборы груза, и что унесешь в руках... На деле вышло, что люди хватали не самое необходимое, а что попало под руку и тут же вытаскивались прикладами» [20, с. 70]. С.В. Калашниковой записано несколько интервью с депортированными болгарами. Из воспоминаний с А.С. Нешевой, 1920 г.р.: «Депортация произошла на следующий день после того, как в наше село – Марфовку из Семи Колодезей (теперь – райцентр Ленино) привезли для перезахоронения останки членов партизанского отряда, убитых ранее фашистами. Ночью приехали машины, полная деревня военных была. Татар тогда уже выслали, а мы вместе с военными пили, ели, помогали им, партизаны у нас были, мы думали нас не тронут. Не может такого быть! Военные собрали по дворам сельскохозяйственные инструменты, говорили помогут урожай убрать. А в 4 часа утра постучались в окно, приказали собраться за 15 минут. Мы кое-что успели взять без разбора. Но дом, скот, все потеряли» [6, с. 86].

Арестованных жителей Крыма свозили на грузовиках на железнодорожные станции, где уже были приготовлены эшелоны с товарными вагонами. Значительная часть депортированных была направлена на Урал, где из-за войны ощущался недостаток рабочих рук во всех отраслях. В 1944 году Наркомат бумажной промышленности сообщал, что новых переселенцев из Крыма предполагается направить на предприятия Молотовской (7500 чел.) и Свердловской (4600 чел.) областей и др.[19].

Путь на новые места жительства, а также сложности адаптации отражены в полевых исследованиях авторского коллектива. Из воспоминаний болгарина Георгия Мандычева: «Когда наш состав дотащился до Соликамска, мы поняли, что это еще не конец пути. Дальше нас погрузили на баржу, и по реке Вишере потащились мы еще на сотню километров в глубь тайги. Новую волну “врагов народа”, нас встречали на пристани жители Красновишерска – в основном сосланные сюда еще в тридцатые годы так называемые кулаки. Многие из них отнеслись к нам сочувственно, что и помогло нам пережить первую, показавшуюся южанам невероятно суровой, зиму. Ни одежды, ни продуктов, ни надежной крыши над головой. С растерянными душами и растерзанными нервами начинали болгары новую жизнь на новом месте»[21, с. 4–5]. Для многих болгар переезд в более холодную климатическую зону стал настоящим шоком. «Запомнился путь по Уралу, – рассказывает Меланья Дучева, – когда нас, покрытых инеем, везли на огромных санях. По всем прикидкам, это было летом, самое позднее в конце июля. Но мы ехали в санях, которые тащил трактор, и очень мерзли. В таком краю мы, жители юга, очутились... » [22, с. 4–5]. Оказавшись в Сибири и на Урале, болгары начали собственноручно обустроить свои хозяйства, несмотря на бытовые сложности и законодательные ограничения. Георгий Мандычев в своих воспоминаниях продолжает: «Видать, глубоко сидит в нашем народе эта способность выживания. Гнездится сила, позволяющая вновь и вновь нести свой тяжкий крест. Конечно, многие старики и дети не выдержали лишений, легли в наскоро вырытые могилы среди лесов и болот. Однако большинство выжило, вынесло и холод, и голод,

унизительное положение спецпоселенцев. Трудились, не покладая рук, все от мала до велика. Быстро сходились со старожилами» [21, с. 4–5].

Местное население, судя по воспоминаниям, отнеслось к болгарам в целом сочувственно. Новым жильцам помогали обустроиться в первое время, а детей, оказавшихся на Урале без родителей, брали в приемные семьи. «Быстро сходились со старожилами. Завоевывали уважение своим трудолюбием и добросердечием. Местные учили болгар своему образу жизни, мы с ними делились нашим житейским опытом» [21, с. 4–5]. Поразительна судьба Маши Стояновой, которая девчонкой, без родителей оказалась на Урале. Здесь ее приютила местная жительница Мария. Из воспоминаний дочери М. Стояновой: «Эта женщина стала писать, написала и Молотову, писала в правительство. Ее родителей, брата и сестру уже в Узбекистан высылали. Я так понимаю, что эта женщина вымолила их» [23].

На 1 января 1953 года, по данным МВД, в СССР числилось 204698 спецпереселенцев из Крыма. В их числе было 12465 болгар, которые были расселены в различных регионах страны. Конкретно в РСФСР – 10388 чел. (83 % всех болгар), в том числе в Молотовской области – 3625 (29 %), Свердловской – 2847 (23 %), Челябинской – 10 [1, с. 133]. Таким образом, большинство депортированных оказалось именно на Среднем Урале.

Жизнь депортированных болгар регулировалась рядом нормативных актов. К концу 1944 года НКВД СССР разработал «Положение о спецкомендатурах НКВД», которое было утверждено Постановлением Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. № 34-14с. Оно гласило, что в целях обеспечения государственной безопасности, охраны и общественного порядка, предотвращения побегов спецпоселенцев с мест их поселения, а также их хозяйственного и трудового устройства НКВД СССР создает спецкомендатуры, которые в своей административной и оперативной деятельности должны руководствоваться действующими законами. 8 января 1945 г. Совнарком СССР принял Постановление № 35 «О правовом положении спецпереселенцев», в котором определялся и регламентировался их правовой статус. Спецпереселенцы пользовались всеми правами граждан СССР, но обязаны были «заниматься общественно полезным трудом». Местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД должны были «организовать трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, в хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях». Спецпереселенцы обязаны были строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах расселения и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур НКВД, не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения, самовольная отлучка за пределы расселения рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Обо всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т.д.), спецпереселенцы обязаны в 3-дневный срок сообщить в спецкомендатуру НКВД. За нарушение режима и общественного порядка спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток [6, с. 77–78].

Зарплата спецпоселенцев в целом была ниже, чем у обычных рабочих. Спецпоселенцы были ограничены в передвижении и могли быть легко перераспределены на другие производственные объекты в случае необходимости. Все депортированные были подвергнуты строгому учету и регламентации повседневного быта. Это отметили многие из интервьюеров. Так, Степанида Москотова (1929 г. р.) вспоминает: «15 июня 1944 г. я со своей семьей в результате распределения на вокзале г. Ленин-Кузнецка, попала в совхоз Чкалова, позже – в подсобное хозяйство Ленин-Уголь, Ленин-Кузнецкой области, затем в поселок Полысаево, Ленинского района. Кемеровской области. Торговали нами как рабочей силой из совхоза в совхоз. Все от

мала до велика были поставлены на учет службами НКВД как спецпереселенцы и ежемесячно обязаны были проходить регистрацию в комендатурах» [6, с. 76].

К началу 1950-х годов болгары уже обжились на новом месте, создали собственные хозяйства, образовывали новые семьи, в том числе за счет межнациональных браков с местным населением [23]. Многие сделали в Перми карьеру. В Перми началась история пермской династии Писарогло [24]. Петр Федорович Писарогло, уроженец Молдавской ССР, оказался в Перми после высылки из родного села Ново-Тамай в возрасте 22 лет. На тот момент у него уже были жена и дочь. Он не имел образования и партийной принадлежности, работал рамщиком на заводе Вторчермета. Семья Писарогло в XX веке была известна несколькими представителями художественной и технической интеллигенции [12, с. 30]. Петр Петрович Киров, известный скрипач и педагог, заслуженный работник культуры Автономной Республики Крым, свою карьеру музыканта также начинал в Перми, обучаясь в Пермском музыкальном училище. В г. Кизеле Молотовской области Петр Петрович оказался в восемнадцатилетнем возрасте и сразу – на лесоповале. «Когда он на лесоповале работал, – рассказывает Людмила Радева, – там его свои же берегли, что ты – музыкант: полегче ему работу. А потом при клубе нужен был художник. Он же в художественном училище учился. Потом предложил ему стукачом быть, но Петр Петрович отказался, и его отправили в столярную мастерскую. Вот тоже там его берегли наши болгары. Музыкального образования у него не было, и он решил поступать в Пермское училище» [23].

После 1953 года в рамках общей политики по реабилитации жертв репрессий началось снятие ограничений с разных категорий депортированных. В мае 1954 года МВД СССР предоставило материалы, по которым Совет министров СССР 5 июля 1954 года принял Постановление № 1439-649сс «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Согласно этому документу «дети спецпоселенцев до 16-летнего возраста включительно, а также обучающиеся в учебных заведениях» освобождались из-под административного надзора и снимались с учета. Разрешался выезд в любой населенный пункт страны с целью учебы. Однако освобождение было в значительной степени условным. Взрослое население получало свободу передвижения в пределах региона. Не распространялось это право на лиц, которые не занимались общественно-полезным трудом или нарушали режим и общественный порядок в местах поселений.

10 марта 1955 года Постановлением Совета министров СССР «О выдаче спецпоселенцам паспортов» были сняты правовые ограничения в свободе передвижения и выборе места жительства в пределах регионов обязательного поселения. А 27 марта 1956 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР № 0101-1956 г. «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [7, с. 200–202]. Он гласил: «... существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев – греков, болгар, армян и членов их семей, выселенных из Крыма в 1944 г., – в дальнейшем не вызываются необходимостью» [8, с. 299]. В 1956 году с депортированных болгар полностью были сняты ограничения, но они лишились права вернуться на родину и получить отнятое имущество. Характеризуя возникшую ситуацию, С.В. Калашникова отмечает: «Все попытки возвращения болгар в Крым в последующие годы после освобождения в большинстве случаев оказывались неудачными, лишь немногим случайно посчастливилось остаться» [6, с. 123]. Некоторые из депортированных болгар и их потомков приняли решение остаться на Урале, большинство болгар вернулись в ближайшие к Крыму территории – Ростовскую область и Краснодарский край.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. На примере болгар можно проследить политику СССР в отношении отдельных народов в период Великой Отечественной вой-

ны. Болгары стали жертвами репрессий после того, как их историческая родина, Болгария, вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии. Сотни болгар, служивших в РККА, были мобилизованы в трудармии, а гражданское болгарское население Крыма поголовно депортировано на Урал в первые же недели после освобождения территории полуострова от фашистской оккупации. Депортированные болгары в большинстве сохраняли советскую идентичность, оставались патриотами и принимали все действия властей без конфликтов. Несправедливость принимаемых в отношении болгар репрессивных мер очевидна, но они находились в русле внутренней политики СССР, истоки которой можно проследить еще в начале 1930-х годов.

Для Урала депортации периода Великой Отечественной войны означали увеличение в целом численности населения региона, а также усложнение этнического состава. Некоторые из болгар, как например семья Писарогло, обрели на Урале вторую родину, сделали карьеру, положили начало целым династиям интеллигенции.

Исследование на примере болгар показало, что материалы, содержащиеся в архивах Урала, в частности судебно-следственная документация, а также мемуары, материалы полевых исследований и официальной опубликованной статистики, могут являться весьма важным источником изучения истории отдельных народов СССР периода Великой Отечественной войны. Репрессии и депортация в отношении болгар показывают, насколько неоднозначной и противоречивой была политика СССР в период 1940-х годов.

Список литературы

1. Бугай Н.Ф. 40-50-е гг.: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 122–133.
2. Черных А.В., Каменских М.С., Белавин А.М. Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. – СПб.: Маматов, 2014. – С. 39–82.
3. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе. Официальное издание; ИИЦ «Статистика России». – М., 2015. – 279 с.
4. ВПН 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. – URL.: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi_1612.htm (дата обращения: 20.12.2020).
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (дата обращения: 20.12.2020).
6. Калашинкова С.В. Крымские болгары: основные этапы исторического развития (середина XVIII – начало XXI века: дис. ... канд. ист наук. 07.00.02. – М., 2012. – 259 с.
7. Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма: документы, факты, комментарии. – М.: Инсан, 2002. – 240 с.
8. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему Указанию...». – М.: АИРО-XX, 1995. – 320 с.
9. Матвеев О.В. Болгары Темрюкского района (по итогам полевого сезона 2004 г.) // Межнациональные отношения в Краснодаре на современном этапе: перспективы устойчивого развития (подходы к решению общероссийской проблемы): материалы всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Изд-во КГУ, 2005. – С. 86–101.

10. Черных А.В., Каменских М.С., Христов П.П. Болгары в регионах Урала в 1920–1930-е годы: формирование и развитие этнодисперсной группы // Вопросы истории. – 2020. – № 10(1). – С. 187–198.
11. Болгарское сообщество Пермского края: формирование, расселение, численность / А.В. Черных, В.Л. Кляус, М.П. Кляус, М.С. Каменских // Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. – 2020. – № 1. – С. 88–96.
12. Филипова М.П., Черных А.В., Каменских М.С. Болгары Перми: история и культура. – СПб.: Маматов, 2018. – 64 с.
13. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.memo.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).
14. Бакальский ИТЛ. (Бакалстрой, Бакаллаг)[Электронный ресурс]. – URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/r3/r3-22.htm> (дата обращения: 01.03.2021).
15. Книга памяти трудармейцев треста «ЧЕЛЯБМЕТАЛЛУРГСТРОЙ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive74.ru/dbases/rvk/index> (дата обращения: 01.03.2021).
16. Узунов Дмитрий Дмитриевич // Государственный архив Свердловской области. Ф. Р.1. Оп. 2. Д. 69686.
17. Скарлат Афанасий Дмитриевич // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 1352.
18. Галюров Федор Зиновьевич // Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 641/1. Оп.1. Д.5973.
19. Постановление Государственного комитета обороны № ГОКО-5984 сс «О выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян» // Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р.–9401. Оп. 2. Д. 65.
20. Веснин А. Выполняя приказ // Юность. – 1989. – № 8. – С. 70.
21. Зачем и за что // Извор. –2004. – № 12 (66).– С. 4–5.
22. Митрохин В. Живица, или Долгая дорога домой // Извор. – 2003. – № 6 (60). – С. 4–5.
23. Антонюк Л., Нечаева И., Радева Л. Полевые материалы авторского коллектива. – Симферополь, 2018.
24. Писарогло Петр Федорович // Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 643/2. Оп.1. Д. 25382.

References

1. Bugai N.F. 40-50-e gg.: posledstviia deportatsii narodov (svidetel'stviuit arkhivy NKVD-MVD SSSR) [40-50-ies: the consequences of the deportation of peoples (evidenced by the archives of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR)]. *Istoriia SSSR*, 1992, no. 1, pp. 122-133.
2. Chernykh A.V., Kamenskikh M.S., Belavin A.M. Etnicheskaia istoriia Permskogo kraia [Ethnic history of the Perm region]. *Narody Permskogo kraia: etnicheskaia istoriia i sovremennoe etnokul'turnoe razvitie. Slovar'-spravochnik*. Saint Petersburg, Mamatov, 2014. pp. 39-82.
3. Itogi perepisi naseleniia v Krymskom federal'nom okruge. Ofitsial'noe izdanie [Results of the population census in the Crimean Federal District. Official edition]. Moscow, Informatsionno-izdatel'skii tsentr "Statistika Rossii", 2015, 279 p.
4. Vserossiskaia perepis' naseleniia 2010. Tom 4. Natsional'nyi sostav i vladenie iazykami, grazhdanstvo [All-Russian census date 2010. National composition and knowledge of languages, citizenship], available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 20 December 2020).
5. Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniia po rodnomu iazyku, guberniiaam i oblastiam [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Distribution of the population in the native language, provinces and regions], available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (accessed 20 December 2020).
6. Kalashinkova S.V. Krymskie bolgary: osnovnye etapy istoricheskogo razvitiia (seredina XVIII – nachalo XXI veka) [Crimean Bulgarians: the main stages of historical development (mid-XVIII – early XXI century)]: Ph. D. thesis. Moscow, 2012, 259 p.
7. Bugai N.F. Deportatsiia narodov Kryma: dokumenty, fakty, kommentarii [Deportation of the peoples of Crimea: documents, facts, comments]. Moscow, Insan, 2002, 240 p.

8. Bugai N.F. L.Beriia – I. Stalinu: «SoglasnoVashemu Ukazaniiu...». [Beria – to I. Stalin: "According to your instructions ..."]. Moscow, Assotsiatsiia issledovatelei rossiiskogo obshchestva-XX, 1995, 320 p.
9. Matveev O.V. Bolgary Temriukского района (po itogam polevogo sezona 2004 g.) [Bulgarians of Temryuk region (based on the results of the 2004 field season)]. *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Mezhnatsional'nye otnosheniia v Krasnodare na sovremennom etape: perspektivy ustoichivogo razvitiia (podkhody k resheniiu obshcherossiiskoi problemy. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2005, pp. 86-101.*
10. Chernykh A.V., Kamenskikh M.S., Khristov P.P. Bolgary v regionakh Urala v 1920-1930-e gody: formirovanie i razvitie etnodispersnoi gruppy [Bulgarians in the regions of the Urals in the 1920s-1930s: the formation and development of an ethnodispersed group]. *Voprosy Istorii*, 2020, no. 10 (1), pp. 187-198.
11. Chernykh A.V., Kliaus V.L., Kliaus M.P., Kamenskikh M.S. Bolgarskoe soobshchestvo Permskogo kraia: formirovanie, rasselenie, chislennost' [The Bulgarian community of the Perm region: formation, resettlement, number]. *Permskii federal'nyi issledovatel'skii tsentr Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 2020, no. 1, pp. 88-96.
12. Filipova M. P., Chernykh A. V., Kamenskikh M. S. Bolgary Permi: istoriia i kul'tura [Bulgarians of Perm: history and culture]. Saint Petersburg, Mamatov, 2018, 64 p.
13. Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR [Victims of political terror in the USSR], available at: <https://base.memo.ru/> (accessed 01 March 2021).
14. Bakal'skii ITL. (Bakalstroj, Bakallag) [Bakalsky ITL. (Bakalstroy, Bakallag)], available at: <http://old.memo.ru/history/nkvdl/gulag/r3/r3-22.htm> (accessed 01 March 2021).
15. Kniga pamiati trudarmeitsev tresta «CHELIABMETALLURGSTROI» [Book of memory of the labor army of the trust "CHELIABMETALLURGSTROY"], available at: <https://archive74.ru/dbases/rvk/index> (accessed 01 March 2021).
16. Uzunov Dmitrii Dmitrievich. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti*, f. r.1, op. 2, d. 69686.
17. Skarlat Afanasii Dmitrievich. *Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti*, f. r-467, op. 4, d. 1352.
18. Galiurov Fedor Zinov' evich. *Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (PermGASPI)*, f. 641/1, op. 1, d.5973.
19. Postanovlenie Gosudarstvennogo komiteta oborony № GOKO-5984 ss «O vyselenii s territorii Krymskoi ASSR bolgar, grekov i armian» [Resolution of the State Defense Committee No. GOKO-5984 ss "On the eviction of Bulgarians, Greeks and Armenians from the territory of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic"]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*, f.r.-9401, op. 2, d. 65.
20. Vesnin A. Vypolniaia prikaz [Fulfilling the order]. *Iunost'*, 1989, no. 8, p. 70.
21. Zachem i za chto [Why and for what]. *Izvor*, 2004, no. 12 (66), pp. 4-5.
22. Mitrokhin V. Zhivitsa ili dolgaia doroga domoi [Zhvitsa or a long road home]. *Izvor*, 2003, no. 6 (60), pp. 4-5.
23. Antoniuk L., Nechaeva I., Radeva L. Polevye materialy avtorskogo kollektiva [Own materials of the group of authors]. Simferopol, 2018.
24. Pisaroglo Petr Fedorovich. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 25382.